

АРИНА АРСКАЯ

БРАТ МУЖА

Порочные игры

Арина Арская

Брат мужа. Порочные игры

<https://litres.ru/74294203>

Аннотация

— Кто ты такой? — сжимаюсь и с испугом смотрю в карие насмешливые глаза. Нависает надо мной, уперев руку в стену у моего лица, и скалится в улыбке. — Влад, — выдыхает в лицо, — а ты, должно быть, жена моего брата? — Брата?! — меня пробирает озноб от цепкого и пронизывающего взгляда. — У Паши нет брата... — О, — с наигранным разочарованием тянет он, — обо мне тебе не рассказали? Ничего, у нас полно времени для знакомства, — ухмыляется и добавляет, — для очень близкого знакомства.

Я не знала, что у мужа есть брат. Ни он, ни его родители никогда не упоминали его имени. И не зря. Порочный и беспринципный негодяй. И он постучался в дверь моего дома.

ХЭ

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Хищник	9
Глава 2. Идеальная жена	14
Глава 3. Незванный гость	19
Глава 4. А был ли гость?	23
Глава 5. Жуткие фотографии	26
Глава 6. Мать и сын	30
Глава 7. Страшный и опасный	34
Глава 8. Тонкий вкус на шутки	38
Глава 9. Кроты и яблоня	42
Глава 10. Внезапное открытие	46
Глава 11. Кукла для забав	50
Глава 12. Ужин для врага	54
Глава 13. Желание хищника	58
Глава 14. Вопросы и ответы	62
Глава 15. Тайные фантазии мужа	66
Глава 16. Два порочных брата	70
Глава 17. Импровизированный шантаж	74
Глава 18. Сделка с дьяволом	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пролог

Стальные пальцы стискивают мое горло. Лицо Влада искажено глумливой и надменной улыбкой, а с рассеченной брови стекает алая струйка крови. Она бежит по высокой скуле, щеке и замирает у линии челюсти. Я вжата в стену. Меня трясет от страха и злобы. У босых ног лежат осколки от разбитого стакана.

— Если мой брат не научил тебя покорности, — хрипит Влад в лицо, — то это сделаю я.

— Пошел ты, — плюю в его надменную рожу и резко поднимаю колено, чтобы вдарить ему между ног, но он молниеносно реагирует на мою жалкую попытку отбиться.

Рывком разворачивает к себе спиной и ловко заламывает руки. Огромной лапищей сжимает мои тонкие и слабые запястья и ныряет свободной ладонью под юбку.

— Пусти, урод!

— Спорим, ты мокрая, — поглаживает левую ягодицу.

Я вскидываюсь, а он на меня наваливается и рычит в ухо:

— Если сухая, я отпущу и уйду, а если нет... — он проводит горячим языком по щеке до виска и шипит, — визжать будешь, как последняя потаскуха.

Пальцы подныривают под кружевной край трусиков, и я предпринимаю новую попытку вырваться. Разум горит ненавистью и неприязнью, а тело живет по иным правилам. Оно

отзывается на тяжелое дыхание Влада, на его руки, на его оскорбления и чертов язык, что облизывал мне лицо. Оно жаждет его, взывает к животному и грубому соитию и раскрыто порочным цветком. Истекает, пульсирует и требует близости.

— Не трогай меня, — в отчаянии шепчу, — я ведь же-на Паши. Твоего родного брата... — судорожно и с тихим всхлипом выдыхаю. — Что ты творишь... Так нельзя...

— Можно, — глухо усмехается. — Я тут устанавливаю правила.

Решительно юркает в трусики и с нажимом, который расходится слабой судорогой по мышцам, проскальзывает между ноющих складок. Тихо посмеивается под мой сиплый и обреченный стон, давит на напряженный бугорок, пропускает его между пальцев.

Неосознанно выгибаюсь в спине и поддаюсь под круговое движение пальцев попой к паху Влада. Выдох обрывается очередным стоном, мысли черной плесенью расползаются по сознанию, разъедают его и обнажают бурлящую и густую похоть к мужчине, с которым я и за один стол не села бы добровольно. Мне больно от желания, что раскаленными иглами пронзает низ живота и ядом проникает в темные глубины моего тела.

Рисует агрессивные зигзаги и круги по зудящему клитору. Нет в его ласках трепета и нежности. Дергает в очередной раз рукой, и я вскрикиваю от острого и пронизывающего спазма,

что уходит судорогами в ноги. Я приподнимаюсь на носочки, хватаю ртом воздух и на несколько секунд слепну и глохну. Волна за волной, губы Влада что-то шепчут на ухо, но я не могу разобрать ни слова.

Отпускает онемевшие запястья, нахально проводит пальцами по горячей и пульсирующей промежности, собирая густую влагу и вновь разворачивает к себе. Размазывает по моей щеке и шее смазку, самодовольно ухмыляясь. Его лицо размыто, и я вижу только его уничижительную улыбку и засохшую кровь на скуле.

— Шлюшка, — ладонь спускается к груди, и пальцы стискивают сосок. — Маленькая и глупая шлюшка.

Искра боли пробегает по груди, отдается в позвонках и пробивается к копчику. Вглядывается в глаза, и вижу в его зрачках презрение и вожделение. Упираюсь ладонями в его крепкую грудь.

— С братцем моим поди и не кончала ни разу, — тянет за сосок и щурится. — Он же импотент.

Разлепляю пересохшие губы, чтобы возразить, и Влад нахально проскальзывает солоноватыми скользкими пальцами в рот и давит на корень, не позволяя сомкнуть челюсти. Напрягаю язык, чтобы противостоять его наглому вторжению и зло выдыхаю. Пальцы проскальзывают глубже, и вздрагиваю от спазма, что схватывает глотку.

— Вдох, Полиночка, — воркует со лживой нежностью Влад. — Через носик. Тебе еще мой член глотать.

Во вспышке ужаса делаю непроизвольный вдох, и он пропихивает пальцы в рот до самых костяшек, в каком-то темном безумии вглядываясь в глаза. Я всхлипываю в его руках, содрогнувшись в болезненном позыве. Медленно вытягивает пальцы и вновь проникает ими за корень языка, когда я делаю короткий вдох.

— Умница, — с издевкой улыбается и слабо дергает пальцами, вызывая во мне новый приступ сильных спазмов.

Отступает, и я с кашлем оседаю на пол, отплевываясь от слюны и размазывая по лицу слезы.

— Для первого раза неплохо, — хватает со спинки стула полотенце и вытирает пальцы, глядя на меня сверху вниз, — но я бы тебе посоветовал самой потренироваться для глубокой глотки. Хороший отсос — это искусство, но ты девочка старательная, да?

Опираюсь на слабые руки, уронив голову на грудь. Я заслужила. Я отвратительная дрянь, которая кончила от грубых ласк брата моего мужа, а я клялась в вечной любви и бесконечной верности.

Я ведь и при первой встрече с Владом потекла, как течная сука. Он чудовище, а я, как он и сказал, глупая шлюха, у которой мозги отключаются, если ее потереть за сосок. Гадко.

— Посмотри на меня, — присаживается передо мной на корточки и поднимает мое лицо, коснувшись подбородка. — Это тебе урок на будущее. Не смей на меня поднимать ру-

ку, Полина. Женщину украшает скромность и смирение. Ты должна быть ласковой и тихой.

— Ненавижу тебя...

— Сильное чувство, — он мягко улыбается, — и оно мне знакомо.

Глава 1. Хищник

Цокает по асфальту звонкими каблучками. Хрупкая, тонкая и изящная. На голове берет немного сдвинут набок, шелковистые каштановые волосы водопадом струятся по плечам, строгое бежевое пальто идеально гармонирует с небрежно намотанным на шею шарфиком.

Походка плавная, спина прямая, подбородок приподнят. Не идет, а плывет среди потока людей. Мужчины кидают на нее заинтересованные взгляды, а она их игнорирует и не замечает.

— Это она, — подтверждает мои догадки Олег и стучит пальцами по баранке руля, — жена Павла. Полина.

От упоминания имени брата у меня непроизвольно дергается верхняя губа. Похрустываю шейными позвонками, приглаживаю полы твидового пиджака и молча покидаю салон. Осень дышит холодным ветром и загазованной влажностью в лицо.

Следую за Полиной, а она не чувствует опасности. По телефону болтает, хвастается, что нашла хорошего мастера по маникюру.

— Чудо-девочка, — голос нежный и мелодичный. — И совсем недорого берет. Очень советую. Обрезает кутикулу аккуратно, пилит ласково... Я тебе скину ее контакты. Давай, пока.

Смеется, грациозно перескакивает через лужу, а за ней тянется едва уловимый цветочный шлейф. Кровь устремляется вниз, к члену, и я с ним полностью согласен. Отыметь такую куколку будет одно удовольствие и не разок, чтобы сбросить напряжение, а нагнуть ее в разных позах, во все щели заглянуть и по второму кругу.

Притормаживает у перекрестка, прячет телефон в сумочку и ныряет замершими ладонями в карманы пальто. Стою позади в двух шагах и зубами поскрипываю. Мое эго в очередной раз уязвлено. Павел в принципе не достоин женщины, а такой воздушной девицы и подавно.

Смотрит по сторонам, нетерпеливо притопывая носком сапожка. Носик остренький, губы пухлые и сочные, и могу думать только о том, как бы засадить в этот прелестный ротик, вцепившись в густые волосы пальцами. Загорается зеленый и она продолжает путь, а я зловещей тенью за ней.

Прохожий, молодой парнишка, задевает Полину плечом. Она ойкает, пошатнувшись на каблуках, и возмущенно оглядывается на мелкого утырка, которому бы я с удовольствием преподавал урок вежливости, но нельзя привлекать внимание. Еще рано.

— Осторожнее, — хмурит брови и обиженно ускоряет шаг. — Вот блин.

С шумом выдыхаю. Дедок рядом косит на меня подозрительный взгляд и мохнатые брови сводит вместе, с укором качая головой. Раз такой весь в возмущении, что я пялюсь

на молодую и красивую, предупреди ее, что за ней следует опасный тип. Нет, он тупит глаза и замедляется, наигранно прихрамывая на правую ногу.

У грязного темного переулка я едва сдерживаюсь от того, чтобы не схватить ее за руку и не затащить в тень. Я представил вкус ее губ, борьбу и удивление. Он бы закричала, а я бы ко рту прижал ладонь и пальто с юбкой задрал. Мотаю головой, подобно взбешенному быку, и сглатываю.

Взбегает по ступеням на крыльцо супермаркета, просачивается за стеклянную дверь. Вежливо и дружелюбно здоровается охранникам. Достает телефон и прячет сумочку в ящик камеры хранения. Я делаю вид, что платком стираю пятно с носка туфли, и вновь преследую жертву.

Перед стеллажами с сухими завтраками Полина отвечает на очередной звонок. Я стою чуть поодаль на углу с пачками сахарозаменителя.

— Да, мамуль? — воркует она и задумчиво пробегает взглядом по коробкам. — Да, анализы почти все получила. Все хорошо, — она ласково смеется, — постараемся с Пашей вас в самое ближайшее время обрадовать двумя полосочками. Не зря же он повышение получил...

Сжимаю ладони в кулаки и закрываю глаза. Вот как. Павлуша у нас отцом планирует стать, мудак хитрожопый. Все у него замечательно в жизни. Лицо сводит судорогой ненависти, на виске пульсирует венка гнева.

— Он очень старается. Много работает, — вертит в руках

коробку с овсянкой. — Угу. Конечно, я прошу его отдыхать. Хорошо, я ему сейчас позвоню и передам привет. Все, пока. Целую.

Кидает овсянку в пластиковую корзину и стучит каблучками дальше, листая контакты в телефоне. Сворачивает в отдел с маслами и бутылками соусов.

— Привет, — закусывает губу и со смехом продолжает, — так, давай я сначала от мамы передам тебе большой привет и наказ беречь себя. И... я анализы получила. Врач дала добро. Сказала, что у меня все отлично. Ну... — кокетливо наматывает локон на палец, — я ненавязчиво намекаю на маленького розовощекого пупсика...

Разворачиваюсь и шагаю прочь. Никаких тебе, Павлуша, пупсиков. Если от кого и залетит твоя прелестная женушка, то от меня, сученыш. Толкаю дверь и вынырываю под промозглый осенний ветер. Поднимаю ворот пиджака, делаю несколько вдохов и выдохов и спускаюсь по ступеням. Лужи не перешагиваю. Меня обходят, с опаской поглядывают и детей за руки хватают, оттаскивая в сторону.

— Мне нужны мельчайшие подробности о Павле, — ползаю в машину и приглаживаю волосы, — график работы, с кем встречается, что жрет, сука, на обед, когда уезжает из дома и приезжает.

Скидываю пиджак, расстегиваю несколько пуговиц. Мне душно.

— Может, мы его того? — Олег равнодушными глазами

смотрит в зеркало заднего вида.

— Он же семья, — зло усмехаюсь. — Нельзя, даже если очень хочется.

Глава 2. Идеальная жена

Я обижена на Пашу. Вроде и сам намекал на детей, а теперь пошел на попятную под предлогом, что ему самому надо бы провериться и спермограмму сдать, например. Да, довод серьезный, поэтому и недовольство мое тайное и не озвучено вслух.

Мы встречались три месяца, и теперь женаты почти четыре. Его и мои родители очень удивились, почему мы так скоро решили обручиться, раз я не беременная. Я сама была удивлена предложению Паше, но думаю, что разгадка во мне. Все наши свидания заканчивались петтингом, поцелуями и объятиями. Очень страстными объятиями, но я каждый раз соскакивала с крючка и отказывалась от близости. Я боялась и мне простительно. Я же девственницей была.

А Паша очень хотел. И мне стыдно, что я отказывала ему раз за разом. Ничего, кстати, пугающего, кроме легкой боли и пары капель крови на простыни, в сексе не было, однако и крышесносного ничего я тоже не почувствовала. Честно сказать, объятия и поцелуи мне больше по душе, но вот они как-то начинают сходить на нет. Боюсь, что Паша подостыл. И еще эта его отговорка с врачами. Сначала меня отправил, теперь сам...

Ладно. Паша прав. Мы должны быть уверены, что с каждым из нас все в порядке. Успех зачатия и здоровье ребенка

зависит от двух человек. Он у меня умный, серьезный и о многом беспокоится. И на вопрос, хочет ли он стать отцом, кивнул. Правда, сроки не определил и мастерски уклонился от ответа.

Клацаю по клавиатуре и набираю “как понять, что муж хочет развода”. Вот если бы я работала, то не занималась всякой ерундой, но я пока в поисках себя и с гордостью несущее звание “домохозяйки”. Покусываю кончик ноготка и перехожу по ссылкам.

Задерживается на работе.

Лишний раз не вступает в разговор.

Редкий секс.

Сердито захлопываю ноутбук. Какой, к черту, развод после четырех месяцев? Вы серьезно? У Паши просто период сложный, повышение и он из кожи вон лезет ради нашей молодой семьи. Медленно отдышавшись, открываю ноутбук и печатаю “как поддержать мужа и быть хорошей женой”.

Не упрекать, не насмехаться и не унижать.

Задумчиво смотрю на потолок. Я никогда Пашу не унижала и его очень уважала. Хотя... Три месяца его мурыжила и отказывалась от близости. Но я же без злого умысла. Мне ведь было страшно.

Быть верной.

С этим у меня все в порядке. Другие мужчины меня не интересуют. Я серьезная замужняя дама и размениваться на интрижки не стану.

Быть терпимой.

Прикусываю кончик языка и с отчаянием закрываю лицо руками. Я вчера немного вспылила из-за грязных разбросанных носков. Терпеливая жена собрала бы их и промолчала.

Быть раскованной в постели и удивлять мужа интересными сюрпризами. Например, красивым бельем.

Не сказать, что я прямо тигрица в постели, но очень стараюсь не быть бревном. Постанываю там, выгибаюсь, по спине ноготками скребу и осторожно предлагаю позы сменить. Ладно, подумаем над сюрпризами. У меня есть красивое белье, чулки и ядрено-алые туфли, которые купила очень спонтанно и по хорошей скидке. Так и лежали в коробке до сегодняшнего дня нулевыми.

Облачаюсь в кружева, чулки и туфли. Придирчиво оглядываю отражение. Волосы распускаю и надо чуток подкраситься. Глаза подчеркнуть и губы едва тронуть помадой. Да, я что-то расслабилась после свадьбы и не баловала Пашу красивым бельишком.

Из прихожей доносится трель звонка, а затем громкий стук. Наверное, курьер, которого я жду с утра с новой ско-

вородой. Обещали привезти до одиннадцати, а сейчас уже обед. Набрасываю на плечи халат, салфеткой стираю губную помаду и торопливо скидываю туфли:

— Иду! Тише!

Бегу на цыпочках в прихожую, проворачиваю ключ в замке и распахиваю дверь. Замираю. Вряд ли это курьер. У порога стоит высокий мрачный мужчина. Брюнет, с прямым носом, волевым подбородком и черными бровями вразлет. Очень эффектный незнакомец. Серое кашемировое пальто поверх строгого темного костюма добавляет в его внешности суровой утонченности.

— Доброго дня, — говорит он и нахально проходит в квартиру, отпихнув меня рукой в сторону.

— Извините... — с тихим возмущением отзываюсь я.

Какого лешего? Он зашел, как себе домой. Я растеряна и начинаю паниковать. Мне его не прогнать. Силенок не хватит.

— Не извиню, — он осматривается и недовольно прищелкивает языком.

— Эй, — я стараюсь быть твердой и решительной в интонациях, но вышло слабо и неуверенно.

Резко разворачивается. Отшатываюсь, а он поддается в мою сторону и впечатывает ладонь в стену.

— Тебя не учили на приветствие отвечать приветствием, Полина? — голос низкий и с глубокой хрипотцой.

Между лопаток меня кусает холодный испуг. Откуда он

знает мое имя? Я что-то не припомню его в своей недолгой жизни, но черты лица кажутся неуловимо знакомыми.

— Кто ты такой? — сжимаюсь и с испугом смотрю в карие насмешливые глаза.

Нависает надо мной, уперев руку в стену у моего лица, и скалится в улыбке.

— Влад, — выдыхает в лицо, — а ты, должно быть, жена моего брата?

— Брата?! — меня пробирает озноб от цепкого и пронизывающего взгляда. — У Паши нет брата...

— О, — с наигранным разочарованием тянет он, — обо мне тебе не рассказали? Ничего, у нас полно времени для знакомства, — ухмыляется и добавляет, — для очень близкого знакомства.

Глава 3. Незванный гость

— Нет у Паши брата, — едва слышно повторяю я.

— А я тогда кто?

Влад закрывает дверь, и я вздрагиваю от скрежета ключа в замочной скважине. От гостя веет опасностью и недружелюбием.

— Но мне никто о тебе не говорил, — запахиваю халат и затягиваю пояс, чтобы скрыть свой страх.

— Я это уже понял, — снимает пальто, открывает шкаф и вешает его на плечики.

Совершенно не стеснен и не смущен. Я впервые вижу такого наглого и бессовестного человека, который в чужом доме чувствует себя очень вольготно. Схожесть Влада и Паши прослеживается, но мимолетно. У моего мужа лицо мягче, он ниже ростом и волосы посветлее.

— Чулки? — он взглядом указывает на мои ноги в черных капронках и ухмыляется, — меня ждала? Я польщен.

— Уходи, — я обнимаю себя за плечи, но стоило, наверное, подол короткого халата натянуть до колен.

Клонит голову набок, разглядывая меня, как забавную зверушку, и холодно улыбается:

— Не смей мне приказывать, Полина.

Неуютно от его взгляда, который меня будто сканирует и проникает в мысли.

— Я позвоню Паше, — шагаю мимо, а Влад меня хватает за запястье и рывком притягивает, развернув к себе спиной.

— Нет, не позвонишь.

Цепенею под его хриплым шепотом. В таких ситуациях принято кричать, ая молчу и медленно моргаю, прислушиваясь к вдохам и выдохам Влада. Он возбужден и недвусленно вжался в ягодицы пахом и шумно втягивает носом воздух у моей шеи.

— Мне нравится твой парфюм.

А Паша его не одобрил. Вот еще одна причина, почему я плохая жена: я не прислушалась к мнению мужа, который нелестно высказался о духах, которые я очень долго и придирчиво выбирала. Назвал их девчачьими, слишком розовыми и несерьезными.

— Все же чулки, — ладонь Влада поглаживает меня по бедру под халатом.

Когда он успел рукой своей загребущей под подол нырнуть? Я с визгом вырываюсь и отскакиваю к комоду.

— Какого хрена?! — рывкаю я. — Проваливай! мне на-срать брат ты или не брат!

— Не люблю, когда женщины ругаются, — Влад недовольно щурится.

— Пошел ты! — бегу в спальню и хватаю с тумбы телефон.

Оборачиваюсь, приложив трубку к уху. Влад привалился к косяку, скрестив руки на груди, и внимательно за мной на-

блюдает с едкой ухмылкой. Телефон Паши отключен. Он почти каждый день в это время на встречах и до него не дозво- ниться.

— Не отвечает? — желчно уточняет Влад и скалится в недоброй улыбке.

— Я позвоню в полицию, — я убираю смартфон от уха и в липкой панике невидящим взором утыкаюсь в экран.

Мысли разбегаются и я не могу вспомнить номер из трех цифр. Они просто не складываются, а клавиатура на экране расплывается. Руки дрожат, и телефон с глухим стуком падает на коврик к моим ногам.

— Тому, что Паша не отвечает на звонок любимой жены, вероятно, есть резонное объяснение, да?

— Он на встрече, — я поднимаю затуманенный ужасом взгляд.

— Естественно, — с издевкой тянет.

— На важной...

— Конечно. На очень важной, — кивает и обнажает ровные зубы. — А как иначе? Региональный менеджер в крупной иностранной компании, как ни крути.

— Возможно, на обеде с партнерами...

— Да, тоже вариант, — Влад хмыкает.

— Или ты с ним что-то сделал, — в отчаянии выдыхаю я.

Если мне не сказали о Владе, то тому должна быть веская причина. Дорогой костюм, вероятно, сшитый на заказ, лишь едва маскирует его хищную и жестокую натуру.

— Тоже возможно, — отталкивается плечом от косяка и прячет руки в карманы, — но я думаю, что он на очень важной встрече.

Подмигивает мне, будто в курсе, где сейчас Паша, и выходит размашистым шагом:

— Увидимся. И в следующий раз будь повежливее и приветливее. Мы же не чужие люди.

Хлопает входная дверь, а я оседаю на пол. Что за ерунда тут произошла? Я очухиваюсь только через минут десять. Боязливо прокрадываюсь в прихожую, запираю дверь и понимаю, что Паша сокрыл от меня очень важную часть прошлого. От родства так просто не отказываются.

Глава 4. А был ли гость?

Сажу на полу, привалившись спиной к двери. Мне кажется, я схожу с ума. Влад появился внезапно и также внезапно ушел, и, возможно, его и вовсе не было. Мне приснился кошмар? Реалистичный и жуткий. Паша не мог не сказать мне о брате. У нас нет секретов, и мы обещали друг другу не лгать. Хорошо, предположим, что он затаил обиду на Влада, но их родители тоже не упоминали о наглom негодяе, который не видит ничего зазорного в том, чтобы облапать чужую жену.

Я ничего не понимаю и ничего не хочу понимать. Я ждала сковороду, читала глупые статьи в интернете и туфли с чулками примеряла. Задумываюсь. Могла ли я после туфель утомиться и вздремнуть. Могла, конечно. Я люблю сладенько поспать в полдень, но в осколках памяти не нахожу голову на подушке, только горячее и влажное дыхание у шеи.

Из спальни доносится звонок, и подскакиваю на ноги. Врываюсь в комнату и хватаю телефон с пола. Паша! Едва попадаю дрожащим пальцем в зеленую иконку приема вызова.

— Зайчик, ты звонил? — ласково спрашивает Паша.

— Да...

А был ли Влад? Входил ли он в дверь и поглаживал ли меня по бедру? Или это игры разума?

— Что-то важное?

— Я... — сжимаю переносицу, чтобы сосредоточиться,
— не знаю... Паша...

— Зайчик, давай вечером поговорим, мне надо бежать, —
он печально вздыхает. — Целую.

И звонок сбрасывает. Раньше бы я всё списала на то, что у Паши нет времени и он весь взмыленный, потому что пока с новыми обязанностями не справляется, но сейчас я ни в чем не уверена. Бросаю телефон на кровать и лезу в нижний ящик шкафа, где хранится часть фотографий Паши, некоторые его грамоты, сертификаты и прочие памятные штуки.

Внимательно перебираю каждую карточку. Всего несколько детских снимков, пара подростковых, а дальше студенческие, после окончания магистратуры, пяток фотографий на документы и свадебные. Ни тени Влада.

У меня один выход: обратиться за помощью к статьям в интернете. Позвонить свекрови или свекру с вопросом, а есть ли у них второй сын, я не смею, потому что вдруг я сейчас поймала приступ бреда, в котором я не осознаю его. Я не хочу в психушку.

“Как понять, что ты сходишь с ума?”

Несколько статей проглотила и ничего не поняла. Вот с хорошей женой всё ясно: восхищаемся грязными носками мужа, уважаем его и безоговорочно доверяем. И никаких скандалов. И тут я натываюсь на один из признаков психи-

ческой нестабильности.

"У вас есть теория, которую никто не поддерживает."

В принципе, можно натянуть на Влада, но слабенько. Кусаю губы, в нерешительности тру нос, дергаю коленом и хочу вновь позвонить Паше с вопросом, а есть ли у него брат? Скажу, что мужик вломился и мне страшно. Он же, в конце концов, мой муж и мы с ним и в горе и в радости. И в шизофрении.

Только хочу коснуться в списке контактов "Любимый муж", как получаю от него сообщение:

"Отправляют в срочную командировку. На неделю. Люблю-целую, зайчик. Обязательно звякну, как освобожусь."

Читаю между строк: не дергай меня по мелочам, я занят и сам позвоню. Обомлев на пару секунд, набираю Пашу, а он не отвечает. Идут гудки, а потом резко обрываются. Сбросил. И впервые чувствую себя бесконечно одинокой.

Неизвестный номер: "У кого-то сегодня свободный вечер?"

Глава 5. Жуткие фотографии

— Люди не меняются, — Олег выдыхает густые клубы дыма в морозное небо. — И я не совсем понимаю, чего ты вдруг решил выйти из тени.

— Время пришло.

Перебираю фотографии, на которых Пашу с кляпом во рту и связанного хлещет плетью грудастая женщина в латексном костюме и кошачьими ушками в блондинистых волосах. Это непосредственно его шефиня, которая продвигает талантливого мазохиста по карьерной лестнице. Важная деталь всего этого действия — его член закован в какую-то металлическую хрень с увесистым замком.

— Пояс верности, — осуждающе шмыгает Олег и серьезно смотрит на меня, — давай мы его того? Слушай, но это же пиздец какой-то, — заметив мой недовольный взгляд, извиняется, — пардон... — затягивается сигаретой и сердито выдыхает, — но жесть же!

Я подозревал, что у Павлуши есть любовницы на стороне, но не ожидал кляпов, плетей и подобного изврата. Его и на обеде быют за закрытыми дверями в кабинете. Вот уж мамина и папина гордость возмужала. Возвращаю фотографии Олегу, и тот плечами с гримасой отвращения передергивает. Натягиваю на ладони перчатки.

— На Полину есть что-нибудь?

— Кроме того, что она голубей любить гонять, — Олег складывает фотографии в папку и протягивает снимки, на которых Полина распугивает с восторженной улыбкой “крылатых крыс” в сквере, — ничего особенного. Мать ее к гадалкам ходит с просьбой внучков нагадать.

— Нагадывают? — разглядываю фотографии Полины и недоумеваю, чем могут привлекать голуби.

Надо сказать, что эти снимки вышли куда лучше, чем предыдущие. Там грязь и разврат, а тут осенняя романтика и ощущение краткого, но чистого счастья и легкого озорства. Хотя я бы с удовольствием взглянул на связанную Полину с кляпом во рту, но увы. Она у нас скромная девочка без больных пристрастий.

— Да почти все и нагадывают, — Олег с досадой выбирает окурок под ноги и топчет его носком. — К ним же за надеждой и утешением приходят, а не за правдой.

— Ясно, — возвращаю ему фотографии и поднимаю взгляд на низкое и хмурое небо.

— Мне после этих фотографий кошмары снятся, — Олег закидывает папку в салон. — Я человек чувствительный и ранимый, знаешь ли.

— И чем тебя так напугали голуби?

Олег захлопывает дверцу, распрямляется и угрюмо смотрит в глаза. Он не раз мне говорил, что у меня с чувством юмора большие проблемы. Согласен, после фотографий с Пашей хочется принять горячий душ и глаза мочалкой поте-

реть, а лучше вынуть их из глазниц и хорошенько вымочить в хлорке.

— Крыльями напугали, — Олег цокает и обходит машину, растирая руки. — Они еще и заразные. Ненавижу голубей. И брата твоего. Вот же образина, — опять плечами передергивает. — Извращенец.

— Но ты-то откуда про пояс верности узнал? — я оглядываюсь на него. — Я вот не в курсе подобных заморочек. Я о тебе чего-то не знаю?

Сколько укора и злости в глазах Олега. Огромный мужик с бычьей шеей, а губы поджал, как маленький обиженный ребенок. Видимо, я очень оскорбил его ранимую и впечатлительную душу, которая только и ждет, как братца бы моего закопать в лесу.

— Я взял телефон, — Олег распахивает дверцу и опирается рукой о крышу машины, — открыл браузер...

— Так.

— И написал: "непонятная железка на член с замком" и добавил "что это за хрень такая", — глухо урчит Олег и зло чешет бровь, — и не делай так, короче. Я такого насмотрелся... И вот вопрос, — он переводит на меня тяжелый взгляд, будто я сам балуюсь поясами верности и другим сомнительными штуками, — зачем они это делают?

— Может, тебе о травме своей со специалистом поговорить? — Олег меня забавляет мальчишеским изумлением.

— Я хочу услышать твои предположения.

— Нет у меня предположений. Возьми телефон, открой браузер и задай свой вопрос интернету.

— Боюсь.

— Почему?

— Как читаюсь, а потом сам... — ежится и в который раз кривится. Фыркает, мотнув головой, и прячется в машине.

— Подожди, — ныряю в салон, — у тебя уже были какие-то фривольные мыслишки на эту тему?

— Я же говорю, я впечатлительный, — с бурчанием заводит машину. — Ты, как я погляжу, тоже.

— Ты меня в это не втягивай, Олежа, — я смеюсь и расстегиваю пальто. — Я приличный человек.

— Ну, знаешь, стояк на жену брата тот еще изврат, даже если брат — кусок говна.

— Язык прикуси, — меня мгновенно переклинивает на холодный гнев, и я с шумом выдыхаю через ноздри. — Олежа, я тебя уважаю, но ты будь в речах своих поосторожнее. Если ты ранимый у нас, то я вспыльчивый и нервный.

— Пардоньте, — закатывает глаза и заводит машину, — Куда?

— Домой, — ослабляю галстук, — спустя столько лет.

Глава 6. Мать и сын

Сажу в гостиной перед журнальным столиком и листаю альбом с фотографиями. Напротив сидит Анна Игоревна, моя свекровь, и вещает, каким милым и сладким мальчиком был Павлуша в детстве, а о брате его ни слова. Детских фотографий Паши катастрофически мало, а парочка так вообще обрезана. Я спрашиваю, почему снимки ополовинены, а в ответ получаю “истрепались”. Такая наглая ложь меня обескураживает.

Я смотрю в бледное лицо свекрови и закрываю фотоальбом с тихим, но зловещим хлопком. Что у вас тут за семейные тайны? И мне не нравится, что мне лгут, глядя в глаза со милой улыбочкой. Я ведь часть семьи и я достойна правды. Стук в дверь, и я вздрагиваю. Анна Игоревна тоже, но в глазах читаю облегчение, что можно оборвать неудобный и неловкий разговор.

— Соседка, наверное, — суетливо встает. — Она обещала саженец для розового куста мне для сада принести.

Провожая ее взглядом. Скрежет замка, поскрипывание двери и короткий, но истеричный вскрик. Я подскакиваю на ноги, уронив альбом на пол.

— Здравствуй, мама, — слышу тихий и равнодушный голос Влада.

— Нет, Господи... Нет... Ты же...

— Мертв? — зловещий смех пробирает до самых костей.

— Тихо, что же ты, мама. Иди сюда.

Я отступаю к окну. Влад заволакивает в гостиную Анну Игоревна, которую не держат ноги. Лицо белое, рот приоткрыт и дышит она часто и прерывисто.

— Вижу радость в твоих глазах, — он усаживает ее в кресло и скалится в лицо, — скучала, мама?

Его “мама” полно злости и раздражения, а сам он не похож на любящего и ласкового сына.

— Вл...аа...ад... — сипит Анна Игоревна и прижимает ладони к губам, — изыди...

— Нет, — он смеется и тоже усаживается в кресло. Переводит на меня черный и мрачный взгляд. — Представь нас, мама.

У меня одно желание: с разбега выпрыгнуть через окно в кусты сирени.

— Ты его тоже видишь? — в ужасе бубнит Анна Игоревна, и я киваю.

— Представь нас, — Влад обращает сердитый взор на нее.

— Полина, — хрипит Анна Игоревна, — жена Павлуши.... Влад...

— И, — он улыбается и повелительным жестом требует продолжения.

— М-мм...мой....

— Дальше, — Влад обнажает зубы. — Ну же... Я в тебя верю...

— С-ссс-сын.

— Очень мило, — едко усмехается.

— Мертвый, — блекло добавляет Анна Игоревна.

— Тебя не было на моих похоронах, — он кривит губы. —

Никого из вас не было. Хотя и похорон не было. Деревянный ящик, яма два метра и табличка с номером белой краски. Ни имени, ни фотографии, ничего.

Опускает взор на раскрытый фотоальбом у его ног и поднимает его. Листает, приподняв бровь, и хмыкает:

— Любопытно.

— Нам выдали заключение о смерти, — шепчет Анна Игоревна.

— Закопали другого, — Влад перелистывает страницы альбома. — Старика из соседней камеры.

— Но...

— Но что, мама? — поднимает злобный горящий взгляд. — Признаюсь, папа хитро поступил, когда попытался меня убить через другие руки, но руки оказались слабоваты, а я сумел влиться в непростой коллектив. В общем, нассали вам в уши, а вы и рады избавиться от позора семьи, но вы могли прийти на опознание тела, например.

— Прочь из моего дома, — Анна Игоревна встает и поджимает губы.

— Начнем с того, что он в собственности отца, — Влад шуруется, — был. Теперь он принадлежит некому Орлову Георгию Владиславовичу. Постой.

Откладывает альбом на столик, достает из внутреннего кармана пальто паспорт и раскрывает его. Пробегает взглядом и лживо охает:

— Так это я, — вновь в гневе глядит на Анну Игоревну, — вот это да.

— Что? — она недоуменно хлопает ресницами.

— Вот, посмотри, — Влад протягивает ей паспорт. — Мне пришлось сменить имя и никак к нему не привыкну. Подумываю вернуть родное вместе с фамилией и отчеством. Возни много, но душа просит. Хочу воскреснуть.

— Ты лжешь, — Анна Игоревна падает на кресло.

— Папа так и скрывает от тебя, что у него все плохо? Что за семья такая у нас? Тайны, интриги, обман и заказные убийства родного сына, — прячет паспорт в карман и откидывается на спинку кресла. — Хотя папу самого скоро зароют живым в землю. Неудачные сделки, казино, дорогие шлюхи и куча долгов. Вот он и дом просрал.

Вытягивает ноги, сбрасывает туфли и смотрит на меня. Я вот, вроде, не участвовала во всем этом безумии, а такое ощущение, что сама пару лопат земли кинула на деревянный гроб со стариком.

— Рад знакомству, Полина.

Глава 7. Страшный и опасный

— За что тебя посадили? — едва слышно спрашиваю, и трясущиеся руки прячу за спину.

Клонит голову набок, и меня четкая ассоциация с коброй, смертельно-опасной и холодной.

— Твои предположения?

— Убийство? — ляпаю я, не подумав.

На лице Влада расплывается одобрительная улыбка, а Анна Игоревна всхлипывает.

— Господи, — прикрываю рот рукой и перевожу взгляд на ладони, что лежат на подлокотниках кресла.

— Я отстоял право не чернить тело, — Влад закидывает ногу на ногу и покачивает носком туфли. — Надо сказать, что в тюрьме куда приятнее люди, чем в моей семье.

Я не понимаю. Семья Паши казалась мне очень приличной и благополучной. С теплом приняли меня, никаких скандалов или оскорблений в мою сторону.

— Уходи, — шепчет Анна Игоревна.

— Это мой дом, — Влад переводит на нее скучающий взгляд, — моя земля. Mam, у вас есть проблемы посерьезнее, чем воскресший нелюбимый сын. Вы в полной жопе, из которой вас не вытянет ни папа, ни Павлуша. Как тебе перспектива стать вдовой и потерять любимого сына? Тебя, вероятно, заставят смотреть, как им палец за пальцем будут

резать. Любят некоторые добавить драмы.

Я выхватываю из кармана телефон и звоню Паше, который не отвечает.

— Он в командировке, — Влад улыбается мне и желчно добавляет, — на очень важной.

— Что он натворил? — сипло спрашиваю я.

— В данной ситуации с пальцами его просто за компанию порадуют, — нервно смахивает с колена пылинку. — Знаешь фразу “дети в ответе за грехи отцов”?

Он ждет моего ответа, а у меня в глотке застрял холодный камень ужаса. Руки немеют, ноги подкашиваются. Я опираюсь ладонью о комод, и Влад встает. Я хочу закричать, но выходит только тихий и хриплый стон.

— Тише, Поли, — шагает ко мне мягко и бесшумно.

Они должны были меня предупредить о мертвом брате Паше. О жутком мужчине, от чьей улыбки душа покрывается изморозью страха.

— Дыши, — приобнимает и ведет к креслу под испуганным взглядом Анны Игоревны, чье лицо осунулось, посерегло и стало похоже на восковую маску мертвеца. — Ты чего такая впечатлительная?

Он проворачивает ловкий трюк: падает в кресло, рывком притягивает к себе, и я оказываюсь у него на коленях. Анна Игоревна всхлипывает и отворачивается. А вступить за меня?

— У Павлуши просто очаровательная жена, — касается

пальцем моей линии челюсти. — В моем вкусе.

Я до встречи с Владом не боялась мужчин до окаменения. Я даже моргать не могу, не то что залепить пощечину. Он весь пышет жестокостью и агрессией, которая, видимо, пугала и тех, кому не повезло сидеть с ним в одной тюрьме. Шутка ли, отказаться от татуировок, инсценировать смерть, которую покрыли надзиратели, и, вероятно, вышел он раньше срока.

— Чудовище, — шипит Анна Игоревна.

— И красавица, — Влад щурится на меня и прикусывает кончик языка.

— Кого ты убил? — шепчу я.

— А какая разница? Они уже сгнили, — голос спокойный и лишен раскаяния.

— Они? — в ужасе смотрю в пустые глаза.

— Двух парнишек, — хрипит Анна Игоревна. — Двух...

Влад переводит взгляд на мать, и она вздрагивает и через секунду захлебывается в рыданиях, спрятав лицо в ладонях. Замечаю над бровью Влада небольшой и едва заметный шрамик, а ближе к виску еще одну белесую полосу. Я не юрист по уголовным делам, но за убийство двух человек точно дают больше восьми лет. Это минимум.

— В твоих глазах я вижу звезды, — шепчет Влад, и тут я вскакиваю на ноги и бегу прочь.

В прихожей торопливо натягиваю сапоги, накидываю на плечи пальто и затравленно оглядываясь на Влада, который

застыл в нескольких шагах от меня.

— Уже уходишь?

— Оставь меня в покое, — пячусь к двери.

Выбегаю на крыльцо и вскрикиваю, потому что у кустов полысевшего георгина стоит огромный мужик с бритой головой и что-то высматривает среди стеблей и мрачно выдыхает клубы дыма.

— Кроты у вас, кажись, — он поворачивает ко мне мордастое лицо, затягивается сигаретой и выпускает дым через ноздри, — непорядок. От кротов много проблем.

— Что? — испуганно спрашиваю я.

— Кроты, говорю, завелись, — мужик кривится. — Тут по территории норы и кучки земли. Надо бы от этих слепых сучат избавиться.

И смотрит так, будто я должна ловить кротов по участку, а я совсем не в курсе, как с ними бороться. Выкапывать, ловушки мастерить или распылять по участку яд? Я спускаюсь на несколько ступеней, а мужик опять затягивается и преграждает путь.

— Приказа выпускать кого-то из дома не поступало.

Глава 8. Тонкий вкус на шутки

— Но я хочу уйти, — решительно смотрю в лицо жуткого и огромного мужика. — Вы не имеете права меня задерживать. Кто вы такой?

— Олег.

— И? — его ответ меня не удовлетворил. — У Олегов какие-то особые права и полномочия?

Вскидывает бровь и хрипло смеется, откашливаясь от едкого дыма.

— Над моими шутками ты не смеешься, — на крыльцо выходит недовольный Влад и прячет руки в карманы, — а тут тебе прорвало.

— Но ведь... — Олег вскидывает в мою сторону руку, проглатывая последние смешинки, — отлично сострила.

— Я не шутила...

Олег прочищает горло, распрямляется и мрачно затягивается:

— Шутила. Я же смеялся, а у меня тонкий вкус на шутки, как у англичанина.

На англичанина он совершенно не походит. Это наш русский бандит и уголовник, у которого на лице написано, что за неудачные шутки может и шею свернуть. Расшаркиваться не будет.

— Влад, тут кроты, — выдыхает дым в сторону.

Очень жаль кротов. Тут их теперь никто терпеть не будет.
— До зимы бы от них избавиться, — Олег кривит лицо и смотрит на молчаливого Влада, чей взгляд я чувствую между лопаток.

Я когда выходила замуж, хотела тихой семейной жизни, а не родственника, который получил срок за двойное убийство, и не жутких тайн. В горе и радости... В горе и радости... Сжимаю кулаки и разворачиваюсь к Владу:

— Что?

— Мама моя была к тебе добра?

Я киваю. И боюсь за Анну Игоревну.

— Не обижала?

— Нет.

— А папа?

— И свекр тоже не обижал.

— Ну дык, — хмыкает Олег, — жена любимого сына.

— То есть тебе бы не хотелось, чтобы... — Влад спускается ко мне, — чтобы с ними случилось что-то плохое. Так?

— Нет, — я сглатываю и отступаю.

— Тогда тебе не стоит от меня убегать, — делает ко мне шаг, — и советую быть ко мне доброй и учливой девочкой.

Я перевожу взгляд на окно, за которым стоит бледная и испуганная Анна Игоревна. Прижимает ладонь ко рту и прячется за шторой, когда через плечо оборачивается Влад. Замершими пальцами печатаю Паше сообщение, что его брат вернулся из мертвых и прошу его вернуться из командиров-

ку. Зловещая весточка отправлена, но не прочитана.

— Он тебе не ответит. В ближайшие несколько дней, — равнодушно отзывается Влад.

Я поднимаю глаза, а Олег у куста георгина вздыхает:

— Ты ее сейчас до инфаркта доведешь. Все с Павлом в порядке, — стряхивает пепел на дорожку, — он пока в счастливом неведении.

— Почему тогда не отвечает?

— Ну... — Влад многозначительно ухмыляется. — Занят? На переговорах, встречах, обедах или презентациях? Вариантов множество.

— Угу, — мрачно отвечает Олег и садится на корточки, чтобы потушить окурок о влажную почву.

— Ты что-то знаешь о Паше, чего не знаю я?

— Я о Паше знаю слишком многое, — неопределенно усмехается Влад. — Даже то, чего он сам о себе не знает.

У Паши любовница? Покалывает пальцы паникой, ревностью и обидой, но уточнять этот вопрос у Влада не стану. Я ему не доверяю. Он манипулятор и, весьма вероятно, лжец. Как и его вся семейка. У меня в голове не складывается пазл, как бы я ни крутила детальки и кусочки из прошлого. Меня не обижали, чтобы я сейчас вспылала гневом к Анне Игоревне или Валентину Самсоновичу, моему свекру. Приличная семья, но Влад пошатнул мою уверенность.

Оглядываюсь на шум мотора и визг шин. У ворот паркуется черный фургон. Задние дверцы распахиваются, и двое

крепких ребят в темной униформе без опознавательных знаков выволакивают Валентина Самсоновича. Руки за спиной в наручники, во рту кляп, а глаза полны возмущения и злобы, но когда он видит Влада... Чистый и незамутненный ужас плещется в его очах.

— Шевелись, — рывкает один из мужчин и толкает в спину Валентина Самсоновича затрещину под холодную улыбку Влада.

Я отступаю в сторону, пребывая в липкой панике и трансе. Все очень плохо, потому что из фургона выскакивает еще две темных тени и входят в калитку. Они кивают Олегу, лицо которого сминается в улыбку.

— Здравствуй, папа, — Влад делает несколько размашистых шагов и останавливается перед мычащим Валентином Самсоновичем. С презрением оглядывает его с головы до ног, — что-то ты весь обрюзг и постарел. Больно на тебя смотреть.

А затем наотмашь бьет его по щеке ладонью. Я взвизгиваю, закрываю рот холодными пальцами, а голова Валентина Самсоновича дергается в сторону.

— Возвращаю первый должок, — шипит ему в лицо Влад.

Глава 9. Кроты и яблоня

Что происходит?! Я впервые столкнулась с проявлением подобной ненависти у одного человека к другому. Так еще и к родному отцу! Павел, бывало, с папой ссорился, но редко и будто полусхоту. Олег закидывает жвачку в рот и предлагает мне, протянув упаковку. Я растерянно раскрываю ладонь, и он выдавливает на нее пару белых подушечек.

— Ммм-мм-мм-м, — мычит Валентин Самсонович и пытается вывернуться из рук молчаливых и мрачных мужчин.

Не задумываясь, разжевываю жвачки, которые обжигают рот ментолом.

— Я правильно понял, что ты очень рад меня видеть? — Влад скалится в улыбку, вглядываясь в лицо отца. — Но о себе того же не скажу.

— Я бы ему еще за кротов пару пощечин отвесил, — чавкает Олег.

Я недоуменно смотрю на него. Да, вот про кротов сейчас самое время поговорить.

— Кроты — это не шутки, — он серьезно обращается ко мне. — ты посмотри, — рукой машет на кусты сирени, георгинов и клумбы с тюльпанами, — тут все еле дышит. Корневая система по одному месту пошла. Ладно сами идиоты безалаберные, но наймите садовника!

Валентин Самсонович смотрит на Олега с испугом и изум-

лением.

— А это что? — он указывает на дохлый и лысый саженец у забора.

Влад рывком вытягивает изо рта Валентина Самсоновича кляп, и тот кашляет и отплеывается.

— Что это? — злобно спрашивает Влад и тоже на саженец кивает.

— Яблоня... — хрипит Валентин Самсонович.

— Жопа твоей яблони, — Олег качает головой и недовольно цыкает. — Пересаживать надо, корни чистить, обрезать и подкармливать, но сначала от кротов рекомендую избавиться.

— Ты его слышал? — приподнимает лицо отца к себе за подбородок. — Участок надо привести в порядок и ты этим займешься. Я дом и землю купил, а о кротах меня не предупредили.

Глаза Валентина Самсоновича округляются, и он хрипит: — Ублюдок.

Я отворачиваюсь, закрываю лицо рукой, потому что свекр мой получает очередную пощечину.

— Чтобы через два дня никаких кротов и яблоню реанимируй.

— Я тебе не садовник!

— Ты мне и туфли языком будешь лизать, если не хочешь сам кормить кротов и червей в земле, — глухо и в ненависти шипит Влад. Затем он приглаживает волосы и переводит

взгляд на Олега. — Полю домой подкинь.

Тот кивает и вразвалочку шагает к калитке.

— Я бы могла и на такси, — бросаю беглый взгляд на хмурого Влада.

— Не могла, — чеканит он сквозь зубы и зло добавляет, — и без глупостей. Сиди, как мышка. Я вечером к тебе загляну на огонек. Иди!

Мне прежде никто в таком командном и злом тоне не обращался. Я прячу руки в карманы пальто, обхожу молчаливых и мрачных мужчин в черной форме и на носочках семению к калитке. Оглядываюсь, ежусь от пристального и изучающего взора Влада и шепчу:

— До свидания, Валентин Самсонович.

Тот измученно кивает, и я понимаю: я не хочу, чтобы его или кого-то еще закопали в землю на радость кротам и червям. Я не знаю, какие семейные дразги случились между Владом и его родителями и какую роль сыграл во всем этом безумии Паша, но я против насилия и жестокости. В голову залетает шальная мысль о разводе, но я себя одергиваю и напоминаю о “в горе, и в радости”. Только вот горе явилось в мою жизнь озлобленное и опасное.

— С невесткой вам повезло, да? — Влад переводит взгляд на Валентина Самсоновича. — Как вы ее приняли, да? С радостью и любовью.

— Полина, — повышает голос Олег. — Карета подана.

Выбегаю в калитку и ныряю в учтиво распахнутую дверцу

черного внедорожника. Растираю замерзшие пальцы, раздумывая над тем, почему Влад и на меня взъелся. За компанию? Я ведь в его прошлом не появлялась, никаких подлянок не устраивала и подставляла.

— Секунду, — за руль неуклюже плюхается Олег, — сейчас печку включу.

И ко всему прочему Влад прозрачно намекнул, что от меня зависит судьба свёкров и Паши, который неизвестно, где пропадает. Я сомневаюсь, что он в командировке, а если все же по рабочим вопросам уехал, то он что-то скрывает от меня.

— У Паши любовница? — тихо спрашиваю я, а когда смурной Олег оборачивается через плечо и брови вместе сводит, я вскидываю руку. — Не говорите! Он должен мне сам об этом сказать! Этот вопрос касается только нашей семьи.

— И как ты, такая фиалочка, залетела к Аренским? — он в удивлении изгибает бровь. — Господи.

Глава 10. Внезапное открытие

Олег на вопрос, как я умудрилась связаться с Аренскими, вряд ли ждал честный ответ. Вопрос-то был риторическим, но я ему выложила все о нашем знакомстве с Пашей. Случайно столкнулись в торговом центре. Я шла из книжного, влетела в Павла, выронила книги, а он, чтобы загладить передо мной вину пригласил выпить кофе. Очаровал меня ласковой улыбкой и я не устояла.

Я волнуюсь и мне страшно. Когда я замолкаю, я понимаю, что Олегу начхать на историю случайного знакомства с Пашей. Он зеваает в кулак, уставившись на дорогу, и медленно моргает, а потом и вовсе включает радио, чтобы я не вздумала продолжить преинтереснейшую историю о чашке кофе, которая стала началом влюбленности и свиданий с жаркими объятиями.

Пробегаю пальцами по экрану и печатаю Паше сообщение. Несколько раз его набираю и стираю, обдумывая правильную формулировку.

— С Пашей точно все в порядке? — смотрю на бритый затылок Олега.

Он чешет щеку, приподнимает брови и неуверенно отвечает:

— Да.

— Я слышу в вашем голосе сомнение.

— Мне тяжело судить о его порядке с моей точки зрения, а вот с его... — он жуёт губы и кривится, — он вряд ли считает, что с ним что-то не так.

— В каком смысле?

— Полина, я водитель, — Олег хмурится, — вот и давайте с вами взаимодействовать в этой плоскости...

— Если так, — я сердито перебиваю его, — то мне надо заглянуть на работу к Паше.

А затем испуганно замолкаю, потому что Олег недовольно зыркает в зеркало заднего вида. У него очень тяжелый взгляд, который намекает, что мне не стоит наглеть.

— Пожалуйста, — тихо добавляю я.

Олег коротко кивает, и я выдыхаю.

— Только без глупостей, — мрачно отзывается он. — Не надо бучу поднимать и истерить, Полина. Влад будет недоволен.

Через полчаса я уговариваю администраторшу, чтобы она пропустила меня на десятый этаж в офис, где работает Паша. Девушка с аккуратным пучком на макушке вежливо улыбается, качает головой и говорит, что без пропуска или разрешения даже в лифт не зайти. Тут все очень серьезно и строго. Я объясняю ей ситуацию, что муж уехал в командировку и на звонки мои не отвечает.

Выгляжу я со стороны как безумная и ревнивая истеричка, которая хочет контролировать каждый шаг супруга, однако ситуация очень непростая. Я уже начинаю подозревать,

что Паша и с работой меня обманул и с утра на целый день уходит к любовнице.

— Слушайте, я просто хочу знать, действительно ли мой муж в командировке и не случилось ли с ним что-то плохое, — я вглядываюсь в глаза администраторши. — Хорошо, я понимаю, что нужен пропуск, но вы бы не могли позвонить?

Он кивает и тянется к телефону, уточняя фамилию и должность Паши. Звонит какой-то Анечке, которая подтверждает, что Аренский Павел в деловой поездке с какой-то Абрамовой Елизаветой Александровной. Я уточняю, кто это, а администраторша улыбается:

— Как же? Генеральный директор.

— Нет, — я качаю головой. — Генеральный директор... мужчина... Вроде бы...

Я не помню, чтобы Паша говорил о том, что он работает под начальством женщины. Нет. Он мне после повышения сказал, что его шеф — отличный мужик, свой в доску и... То есть он вечерами не виски ходил распивать для налаживания отношений с начальством, а наслаждался каким-нибудь игристым вином при свечах?

— А она красивая? — тихо спрашиваю я.

— Я придерживаюсь мнения, что каждый человек красивый, — администраторша серьезно смотрит мне в лицо. — И красота — это социальный конструкт и понятие субъективное. Мы в принципе должны отказаться от оценки внешности, как своей, так и других людей, потому что красота ни-

когда не была чем-то неизменным и постоянным.

— Ясно, — я обескураженно отступаю, — и спасибо.

— Пожалуйста, — широко улыбается, невероятно довольная своей короткой поучающей лекцией, — хорошего вам дня.

Так, Паша мне бессовестно лгал и о боссе, что глупо и возмутительно. И наталкивает на очень нехорошие мысли. На крыльце под промозглым ветром я пишу ему, что вернулся Влад и после недоброй вести задаю вопрос, а не изменяет ли он мне со своей начальницей. Конечно, неразумно с моей стороны мужа сначала пугать, а потом вываливать ему претензию с изменой, но сообщение отправлено и прочитано. Я замираю в ожидании ответа или звонка.

Глава 11. Кукла для забав

Паша не отвечает, а когда я ему перезваниваю, то мне равнодушный женский голос автоответчика вещает, что телефон отключен. Я смотрю на Олега, который стоит у машины и курит, а он глядит меланхоличным крокодилом на меня. Все очень плохо. Настолько плохо, что слезы текут из глаз. Мне написал Влад.

“Ты должна быть в чулках, юбке и в том белье, что встретила меня”

В мою тихую размеренную жизнь ворвалось чудовище, и в его тени близкие мне люди тоже обращаются в каких-то уродов с липкими и черными тайнами. У Паши, вероятно, в любовницах его начальница, а сам он в страшную минуту оставил меня одну. Ни словечка не написал.

Звонит мама. Не дождавшись моего ”алло”, она щебечет о том, что с ней коллега поделилась рецептом изумительных котлет из индейки. Они получаются сочными, тают во рту и Паша точно оценит. Она придерживается у меня мнения, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и мужа важно кормить сытно, полезно и вкусно, тогда и на других женщин не посмотрит. Посмотрит, мам. Котлетки — не оберег от измен и лжи.

Я отвечаю ей задорным голосом и говорю, что буду рада рецепту ее коллеги. Ей не надо знать, что я оказалась, мягко скажем, в сложной ситуации с опасным уголовником, у которого на поводке сидит другой уголовник, и этот второй отбрасывает бычок и шагает к крыльцу. Забеспокоился.

— Ма, ты мне рецепт сообщением отправь. У меня сейчас нет возможности его записать. Я на улице.

— А еще я тебе чаю особенного купила.

— Какого? — по щекам текут слезы, а голосок у меня беспечный и легкий.

— Для удачного зачатия.

Олег поднимается по ступеням, и у него такой вид, словно он мне собрался врезать оплеуху, но он протягивает мне платок.

— Спасибо, мамуль. Я побежала.

Прячу телефон в карман, принимаю из руки Олега платок и промокиваю глаза. Я сама обращаюсь в лгуницу, которая врет близкому человеку, чтобы его не тревожить, но как же гадко!

— В командировке?

— Я ему написала про Влада, а он не ответил. Какова вероятность того, что он сбежал?

— Не сбежит, — Олег зловеще и мрачно улыбается.

— Мои родители в безопасности?

— Думаю, что у Влада к ним нет претензий и вопросов.

— Но ко мне есть.

— Ты же Аренская, — Олег хмыкает. — Входишь в круг его семьи.

— Но я ведь лично ему ничего не сделала.

Олег смотрит себе под ноги, потом поднимает на меня холодный взгляд.

— Да, но ты вошла в эту семью, предпочла закрыть глаза и принять их ложь.

— Но предпосылок...

— Были, — Олег улыбается, — ты просто решила от них отвернуться, Полина. Как с Пашей. Разве нет?

Я молчу. Возможно, он прав. Я приняла жизнь семьи Паши без лишних вопросов, игнорировала его задержки на работе, не замечала ничего странного в том, что у него мало детских фотографий и не спрашивала о прошлом. Он и его родители никогда на совместных вечерах особо не углублялись в воспоминания, а если свекровь в редкие моменты уходила в ностальгию, то резко обрывала истории и замолкала. Я из вежливости не тиранила ее любопытством, а, оказывается, хотела быть не при делах.

— Я сочувствую тебе, Полина. Ты девочка милая, простая и...

Олег недовольно прищелкивает языком, будто чуть не ляпнул что-то важное и спускается по ступеням:

— Поехали. Колотун жуткий.

— Что вы хотели сказать?

— Ничего интересного, — сует руки в карманы брюк и

ускоряет шаг.

— А я так не думаю, — бегу за ним на носочках, и икры сводит легкой болью.

— Тебе не надо думать, — он распахивает дверь и исподлобья глядит на меня, — твоя задача не навлечь на себя и на других беду. Развлеки Влада. Да тебе не повезло, но не из тех людей, которые знают слово нет. Хотя я бы предпочел с родственниками его хороводы не водить, но у него свои взгляды на жизнь.

— Я не хочу развлекать Влада, — я тру замерзший нос и повторяю. — Не хочу.

— Не со мной тебе об этом говорить, а с ним. Напоминаю, я простой водитель. Моя работа увезти, привезти и за разговоры мне не платят, а если бы платили, то я бы попросил внушительную сумму, — Олег невоспитанно сплевывает под ноги. — Они утомляют, Полина.

Я ныряю в салон. Ежусь от вибрации телефона в кармане. Я знаю, что это не Паша, и на выдохе сжимаю кулаки. Варианта два. Либо мама с ее сочными котлетками, либо Влад. Вторая короткая вибрация, и я прикусываю кончик языка, выживая холодной рукой смартфон.

Мама: “1 луковица, 50 мл молока, полкило фарша...”

Незнакомый номер: “И приготовь ужин”

Глава 12. Ужин для врага

Я не хочу осквернять свою уютную кухню и красивую посуду готовкой ужина для мужчины, который приказывает мне его кормить и развлекать. Пусть мамочка его радуется вкусной едой, а я тут при чем? Мой страх сменился праведным возмущением. Я стою вся такая нарядная, в чулках, юбке и праздничной блузе и держу противень с запеченными перепелками и брокколи и жду на ужин не мужа, а его брата. Одно радует: у меня хватило ума не лепить котлетки из индейки. Котлетки для близких и любимых, а Влад в их круг не входит. Никаких ему сочных котлет.

Раздается стук в дверь. Громкий, требовательный, и я даже в нем я слышу угрозу. Я ведь не должна идти на поводу у Влада, который решил и на мне выместить злость и обиду. Отставляю противень на деревянную доску, снимаю фартук и сую ноги в туфли. Если бы это был Паша, я бы была взволнована, а сейчас мне тошно от злости.

Распахиваю дверь. Влад наваливается на косяк, оперевшись о поднятую руку, и гнев улетучивается под его испытующим и немигающим взглядом. Медленно опускает взор, который на несколько секунд замирает на моей груди.

— Ну, здравствуй, Полина.

Его улыбка не обещает ничего хорошего. Молча отступаю в сторону и обреченно наблюдаю, как Влад скидывает с плеч

пальто, вешает его в шкаф и разувается из туфель, чьи начищенные носки покрыты капельками воды. Делает несколько шагов ко мне, наклоняется и легко касается губами щеки в приветственном поцелуе.

Каменею, а сердце в груди рисует истеричный кульбит и пропускает пару ударов, а плечи покрываются мурашками. Сжимаю дрожащие пальцы в кулаки. От Влада пахнет пряным черным перцем и терпкой древесной корой. От его парфюма на секунду мысли путаются в клубок.

— Ждала?

И не солжешь, потому что, да, ждала, но с мрачной тревогой, как узник палача. Я киваю, а Влад скалится в улыбке. Я разворачиваюсь на цыпочках и плыву на кухню, чувствуя взгляд на попе. Бессовестный. Видит же, что я его боюсь, а ему бы поглазеть на чужую пятую точку.

Он по-хозяйски заходит ванную комнату, моет руки и через минуту усаживается за стол, одернув полы пиджака. Цепко следит за тем, как я накрываю на стол. С удивлением смотрит на румяных перепелов на тарелке, и переводит взгляд на меня.

— Не то чтобы я придираюсь, но ты мне голубей подала?

— Перепелов, — ставлю в центр стола чашку с салатом из редиса и свежей спаржи. — Перепелов в медовом маринаде.

У меня эти “голуби” лежали в дальнем углу морозилки несколько месяцев. Никак руки не доходили поэкспериментировать со странной маленькой птицей. Уже подумывала

разморозить и скормить бездомным псам, но теперь порадую “дорогого” гостя.

— Перепела значит, — хмыкает Влад.

Сажусь напротив с прямой спиной. Уверенно отрывает ножку от перепела и отправляет ее в рот. Я подумывала о том, чтобы каким-то хитрым образом отравить мясо, но никаких дельных советов в интернете не нашла. Подливаю в бокалы красного вина.

— А неплохо, — за пару укусов обглаживает небольшую ножку и сосредоточенно жует, рассматривая косточку.

Очень обидно. Я не хотела, чтобы получилось неплохо. Я бы предпочла “отвратительно” и “жрать невозможно”. Я бы с удовольствием посмотрела, как Влад отплеивается и кривит губы, но на его лице вижу приятное удивление. Пристывает ко второй перепелиной ножке, а я делаю глоток вина.

— Я бы предпочел стейки, — откладывает косточку и вытирает пальцы салфеткой. — Средней прожарки.

— Ты не в ресторане, — я смотрю на него исподлобья.

— О, — он прикладывается к бокалу с вином, — зубки прорезались? Но согласен, мне стоило тебе написать, чего я жду на ужине. Ты хотела меня удивить изысканной кухней, что, конечно, похвально.

Жую брокколи и хочу вилку воткнуть в глаз Влада. Откуда в нем столько наглости и хамства? В следующий раз я тебе точно чумных голубей пожарю и приправлю их от души крысиным ядом, чтобы удивить. Надо бы прикупить пачку

мышьяка.

— А вот брокколи, — он накалывает на вилку соцветие и поднимает его, одарив меня хищной улыбкой, — положительно влияет на потенцию, но тебе не надо насчет этого беспокоиться, Поли, у меня и так на тебя колом стоит.

Глава 13. Желание хищника

Глаза Полины вспыхивают гневом и возмущением. Она откладывает вилку и минуту молчит, переваривая мои слова. Прелестная девочка. У нее сначала краснеет носик, а потом уже щеки. И да, у меня стоит. Стоит с того момента, как она дверь открыла и окинула меня пугливым взглядом.

— Ты отвратителен, — сдавленно отвечает она.

О, она еще не знает, насколько гнусные планы я на нее вынашиваю, и честная фраза о моей эрекции призвана лишь подразнить. Полина вытирает губы, встает с прямой спиной и шагает к раковине. Берет из верхнего шкафчика стакан и наливает воды из графина. Попка у нее крепкая, округлая, а талия тонкая и выраженная.

Я сам не замечаю, как поднимаюсь из-за стола, подкрадываюсь к Полине и целую в шею, вжавшись пахом в ее соблазнительный зад. Пахнет сладко и лепестками фиалок. Кожа под губами шелковистая, нежная и теплая. Поглаживаю бедро и медленно спускаюсь к колену.

Вздрагивает, резко разворачивается и молча разбивает стакан о мою голову. На агрессию я отвечаю агрессией. Меня переклинивает. Я стискиваю тонкую шею в пальцах и вдавливаю Полину в стену. Маленькую, хрупкую и испуганную.

— Если мой брат не научил тебя покорности, — глухо порыкиваю в ее бледное лицо, — то это сделаю я.

— Пошел ты, — она с гримасой ненависти плюет мне в лицо и хочет усугубить ситуацию ударом ниже пояса.

Моя реакция незамедлительная. Разворачиваю лицом к стене, заведя тонкие руки за спину. Дергается и шипит взбешенной кошкой, чем заводит меня больше. Тяжело дышит, и я улавливаю ее возбуждение, которое она отчаянно пытается скрыть под глупой борьбой. Ах ты, маленькая потаскушка. Моя ладонь под юбкой. Полина подчинилась приказу и надела чулки.

— Пусти, урод! — взвизгивает она, когда рука поднимается выше, а я слышу в ее голосе хриплые нотки желания.

Я уступаю соблазну поиграть с милой скромницей и немного поиздеваться, чтобы сбить спесь.

— Спорим, ты мокрая, — поглаживаю и мну ее аппетитную попку.

Взбрыкивает, и я наваливаюсь на нее. Мне тяжело себя сдерживать. В голове пульсирует желание сорвать с Полины одежду и отыметь на кухонном столе под ее крики.

— Если сухая, я отпущу и уйду, а если нет... — касаюсь языком ее щеки и пробегаю им до ее вспотевшего виска, — визжать будешь, как последняя потаскуха.

А у Полины в трусиках водопад. Горячий и вязкий. Складки налились кровью, набухли и готовы меня принять. Жалобно просит остановиться, пытается воззвать к совести и напомнить, что она женщина моего родного брата. От его имени вспыхивает в груди ярость. Вспомнила о нем, а сама

течет, как сука в моих руках. Двуличная дрянь. Я из тебя вытащу шлюху, которой ты и являешься, как бы ни пыталась сохранить маску верной и любящей жены.

Кончает громко, ярко и эмоционально. Трепещет под пальцами частыми спазмами и всхлипывает в отчаянии. Моя сучка. Моя слабая, похотливая и визгливая сучка. Я отымею тебя во все щели, вытрахаю до полуобморочного состояния и вскрою твою черную и порочную душонку, ведь другая женщина не могла выбрать Павла в мужа.

Вновь вглядываюсь в ее хорошенькое лицо и блеклые глаза. Дезориентирована, растеряна и едва стоит на ногах.

— Шлюшка, — не могу удержаться от очередной провокации и слабо дергаю за сосок, чтобы немного привести Полину в чувство. — Маленькая и глупая шлюшка.

Размыкает губы и через мгновение давится моими пальцами. Рот ее теплый, маленький и от наглого вторжения заполняется густой слюной. Ей будет тяжело со мной: я требую от женщин глубокого заглота без рук и Полина не станет исключением из правил. Сколько ужаса в глазах, когда я вслух высказываю свои предпочтения в оральных ласках. Не все девственницы так округляют глаза и трясутся от паники.

И как сладко она признается мне в ненависти. Голосок дрожит, по щекам текут слезы и в глазах плещется темное и липкое презрение. Прячет лицо в ладонях. Ей стыдно. Какое, должно быть, потрясение для застенчивой крошки получить оргазм от пальцев малознакомого мужчины. Позор!

Опускаюсь на стул, ослабляю галстук и поднимаю к губам бокал с вином:

— Вернись за стол, Поли. Наш ужин еще не окончен.

Глава 14. Вопросы и ответы

— Что тебе от меня надо? — я встаю на ватные ноги, одергиваю юбку и возвращаюсь за стол.

— Это очевидно, нет? — Влад вгрызается в тушку перепела и отрывает кусок мяса, глядя на меня исподлобья. — Все предельно ясно, Полиночка.

— Я ведь к вашей истории вражды с Пашей и родителями не имею никакого отношения.

Пережевывает мясо, не отрывая взгляда от моего лица, и я понимаю, почему ему помогли выйти из тюрьмы. Это зверь в обличье человека. И от него, видимо, решили избавиться, чтобы он сокамерников и надзирателей не пугал глазами своими жуткими.

— Я принял решение и его не изменить. Если Паше твоему грозит серьезные травмы, то тебе мой член и оргазмы. Кончать ты однозначно будешь и не надо тут носик свой прелестный задирать. Пять минут назад билась в конвульсиях, — он хмыкает. — И ты течешь так, что хоть ведро подставляй.

Мне нечего возразить и остается только губы поджать и зубы сцепить. В силах ли я кинуться к стойке с ножами и способна ли убить человека? Воткнуть острое лезвие в шею и провернуть несколько раз? Я представила кухню в крови, мертвого Влада на полу и себя бледную с тесаком в руке.

Закрываю глаза, прижимаю к губам салфетку и сглатываю ком тошноты. Не смогу. Это не стакан разбить.

Скрежет ключа в замке. Сжимаю в пальцах салфетку, встрепенувшись в надежде, и из прихожей выходит мертвенно-бледный Паша. У меня сердце бьется о грудину в желании выскочить на волю. Влад обглаживает перепела и даже не оглядывается на него. Вытирает пальцы, губы и делает глоток вина.

— Здравствуй, Паша.

— Влад... — приваливается к стене и стягивает шарф с шеи.

— Ты не думаешь, что мужа тоже стоит накормить ужином, — Влад с самодовольной улыбкой откидывается на спинку стула и вновь прикладывается к бокалу.

А я разучилась думать. Мои когнитивные функции задавлены стыдом, страхом и отчаянием. Я Пашу еще не видела таким обреченным и пустым. Да, именно пустым. Его глаза ничего не выражают, будто он знал, что однажды на его кухне будет сидеть Влад и пить вино. Я встаю.

— Я не голоден, Полина.

— Тогда налей вина, — вновь хмыкает Влад.

Я перевожу взгляд на Пашу, и он коротко кивает. Сбрасывает на пол пальто, и я задаю вопрос:

— Ты завел любовницу?

Влад удивленно приподнимает бровь. Я сама не ожидала, что задам этот вопрос. Он взял и просто сорвался с языка.

Неужели меня волнует прежде всего неверность Паши, а не его безумный брат, который озадаченно чешет бровь. Паша молчит.

— Да или нет?

Глаза Паши оживают. В них вспыхивает недовольство, которое мне очень хорошо знакомо. Он всегда так реагирует на любой неудобный вопрос. Вот тут-то Влад оборачивается через плечо, ожидая ответа.

— Да, — Паша кивает.

Ну, в принципе, смысл ему сейчас отпираться? Тут нарисовалась куда более серьезная проблема, чем ревность жены.

— Твоя начальница?

Влад вновь смотрит на меня. Он обескуражен, но раз я начала допрос и получаю на него честные ответы, то я воспользуюсь моментом.

— Да.

— Как долго? — сипло спрашиваю я.

— Пара месяцев.

— Ты ее любишь?

Паша отводит взгляд, трет шею, неопределенно кривит лицо и опять смотрит на меня. Молча.

— Любишь или нет? — цежу сквозь зубы, а брови у Влада приподнимаются еще выше.

— Ну, — он вздыхает, — не в том понимании, который ты вкладываешь в слово любовь.

— Ты как был скользким, таким и остался, — Влад до-

бывает остатки вина. — Словооблудие твой конек, Павлуша. Тебе бы в адвокаты.

И я растеряна. Меня не удовлетворил ответ Паши, потому что я рассчитывала на твердое “да” или категоричное “нет”.

— Поли, давай мы с тобой поговорим на эту тему потом.

У меня что-то в голове перегорело после пальцев Влада. Я понимаю, что моя реакция неадекватна, но выяснить, что у мужа есть любовница... Это куда большее, чем познакомиться с его братом, о котором я тоже не была в курсе. Если Паша о Владе умолчал, то с его потаскухами все было иначе. В начале наших отношений он заявлял, что не приемлет измен.

— А почему не сейчас нам поговорить о твоей шлюхе? — я обнажаю зубы в безумном оскале и беру со стола бокал с вином.

— Действительно, — усмехается Влад, а я слышу в его голосе недоумение.

Глава 15. Тайные фантазии мужа

— Полина, — Паша смотрит мне в глаза, и у него верхняя губа дергается, — не сейчас.

— Почему? — задаю я очередной вопрос и сердито фыркаю.

Что я творю? Меня десять минут назад зажимал в углу Влад, появление которого вызвало ажиотаж и ужас в семье Паши, а я решила поговорить о его интрижке.

— Чего тебе не хватало?

— Да, Павлуша, чего тебе не хватало? — Влад разворачивается к нему. — Молодая и красивая жена, а ты на сторону побежал.

По голосу слышу, что Влад прекрасно осведомлен об измене Паши и знает все подробности и сейчас заигрывает с ним. Издевается. Как бы я ни злилась на неверного мужа с его секретами и тайнами, но вопрос его измены касается только нас двоих. Не троих.

Я делаю медленный вдох. Достая чистый бокал и наливаю Паше вина к большому разочарованию Влада. Он только был готов насладиться скандалом, а я его свернула. Вероятно, меня ждет развод, но и его я буду обсуждать только с Пашей и тет-а-тет выслушивать его оправдания, извинения, если, конечно, его не прикончит брат. Мало ли.

— Влад, — Паша садится за стол. — Давай не будем втя-

гивать Полину.

— Ух ты, — Влад удивленно вскидывает бровь, — я тебя не узнаю, братец.

— Чего ты хочешь?

— Твою жену. И это будет справедливо, Павлуша, — расплывается в глумливой улыбке. — Ты так не думаешь?

Паша подпирает лоб кулаком. Я не вмешиваюсь, потому что смысла никакого в этом нет. Однако когда Паша поднимает на меня взгляд и обреченно вздыхает, я медленно моргаю и шепчу:

— Ты охренел?

— Поли, он взял в плен моих родителей. В их доме вооруженные люди.

— В моем доме, — хмыкает Влад. — Кстати, — он накладывает на тарелку салата, — фирма отца тоже скоро перейдет в мои руки, как он и боялся. Только сейчас это очень невыгодное вложение, но я человек принципиальный.

— У моей матери больное сердце...

— Да, твою ж дивизию, — Влад швыряет вилку на стол и в отвращении смотрит на Пашу. — Ты, блять, серьезно?

Я вздрагиваю и не совсем понимаю вспышку его злобы, которая касается не больного сердца матери, а чего-то другого. Я не улавливаю чего-то очень важного.

— Паша, гандон ты штопанный, — Влад кривится и вскидывает в мою сторону руку, — она же твоя жена. Ты ведь ее любишь, нет?

— Ты же, урод, сам завел о моей жене разговор, — шипит Паша, сжимая в пальцах бокал вина.

— Я, сучонок, ждал от тебя гнева, отчаяния, — Влад встает и отходит к окну, — страха, ревности или твоего скользкого желания спасти свою шкуру, — он разворачивается к нему лицом, — но не этого, Павлуша.

— Чего? — тихо спрашиваю я.

— Ты правда хочешь знать?

— Ну...

— У него стояк на то, чтобы я вытрахал тебя, Полина, — Влад рычит и вглядывается в мои глаза, — у твоего мужа особые потребности, которые... — он вновь смотрит в окно, — у меня нет слов.

— Мести не выйдет, да, Владик? — Паша присасывается к бокалу и вытягивает ноги под столом. — Какая досада.

С открытым ртом уставившись на него, я поднимаю брови:

— Это правда? Ты... — я сглатываю горькую слюну и прикрываю рот ладонью, — Паша...

— Полина пятнадцать минут назад кончила от моих пальцев в ее прелестных кружевных трусиках, — глухо и медленно проговаривает Влад.

Зрачки Паши расширяются, дыхание сбивается и румянец трогает его скулы. Он возбужден. Ни ревности, ни злости, ни разочарования.

— Допустим, я решу отыметь Полину на твоих глазах, —

Влад прячет руки в карманы. — И она кончит от моего члена в заднице.

По лицу Паши пробегает легкая судорога, и он шумно выдыхает. Вот теперь мне реально страшно. Мой муж готов подложить меня под брата не в желании спасти маму и папу, а в стремлении получить извращенное удовольствие. Понятное дело, что и в первом случае все плохо, но во втором все еще хуже.

— Я не думаю, что Полине понравится анальный секс, — Паша вновь прикладывается к бокалу вина и смотрит перед собой.

— Понравится. Она у тебя та еще шлюха, — мрачно отзывается Влад.

Паша сглатывает и ослабляет галстук дрожащими пальцами. С моих губ срывается нервный смешок. Я бы предпочла, чтобы Паша оказался трусом и подался в бега. Например, в тайгу к медведям, где его эти самые медведи разорвали бы на части.

— Она, конечно, для приличия посопротивляется, но потом будет визжать, как последняя потаскуха, — голос у Влада тихий и сочится ненавистью с презрением.

Глава 16. Два порочных брата

— Паша, — я массирую виски, — это однозначно развод.

В душе пусто. Измена оказалась сущей ерундой в сравнение с тем, что я вышла замуж за человека с нездоровыми пристрастиями.

— Поль, — Паша переводит взгляд со стены на меня, — я так устал.

Передо мной сидит кто-то другой. Не мой муж, в которого я влюбилась. Не улыбчивый и позитивный мужчина, а... я даже не могу описать, кого я сейчас вижу. Паша словно снял маску приличного человека и явил моему взору себя настоящего. Порочного, скользкого и развращенного.

— Ты хорошая женщина, — он подливает в бокал вина. — Будь по-другому, то наш Владик слюни бы на тебя не пускал. А развод... мы бы к нему все равно однажды пришли, но мне будет жаль тебя потерять.

— Ты ее уже потерял, — Влад опирается руками о подоконник.

— Я же сказал, мне очень жаль, — Паша поднимает на него взор и делает глоток вина, — но ты не этого ждал. Ты забавный, Влад. Ты так и не избавился от привычки судить людей по себе.

— Да, я опять с тобой оплошал.

— Я выпью за это, — Паша смеется и выпивает крупными

глотками вино. Отставляет бокал и откидывается на спинку стула. — Что теперь? Кроме жены и родителей у меня ничего нет. Квартира не представляет для меня ценности, на счету у меня не сказать, что много денег, чтобы я боялся их лишиться, а к фирме отца я потерял интерес после твоей якобы смерти. Машина? Забирай. Жизнь мою хочешь? Да, пожалуйста.

Влад шагает к Паше, наклоняется и внимательно всматривается в глаза:

— Что с тобой, Павлуша?

— Мне уже не восемнадцать, Влад, а ты, как был обиженным мальчиком, так и остался.

— Вы всего меня лишили.

— И? Ты ждешь раскаяния? Я его чувствую в очень редких моментах, о которых ты, вероятно, в курсе.

Верхняя губа Влада дергается в отвращении, и он отшатывается:

— Ну ты и мразота.

Одергивает пиджак и покидает кухню, приглаживая волосы. Хлопает входная дверь, и через минуту Паша швыряет бокал в стену. Звон осколков. Встает, сжимает кулаки и прикладывает их к вискам, крепко зажмурившись.

— Я так и знал, что папа налажает.

Пинает стул, который с грохотом падает, и я вся сжимаюсь. Паша опять сменил личину, и по кухне вышагивает разъяренный и отчаявшийся человек, которого загнали в

угол. Он неожиданно разворачивается ко мне. Мне очень не нравится его взгляд. Липкий и черный.

— Мне надо убрать со стола, — встаю и сглатываю, когда Паша делает ко мне шаг.

Хватает за волосы, с рыком въедается в губы и второй рукой ныряет под юбку. Я с мычанием шарюсь ладонью по столу, стискиваю вилку и во вспышке неконтролируемого гнева вонзаю острые зубчики в шею. Паша, с удивленным вскриком отпрянув, кривится, и я отталкиваю его.

— Ах ты, сука, — хрипит Паша и тянется к вилке, что торчит над воротом рубашки. — Дрянь.

Вскрикиваю, заметив в глазах холодную злобу и бегу прочь. Так на меня даже Влад не смотрел, когда стискивал шею в пальцах. Это взгляд социопата, который, наконец, выполз из-под вороха множества масок. Он либо покалечит меня или убьет. Вылетаю на лестничную площадку с криками.

— Вернись, Поли. Поговорим о разводе, крошка.

Бегу вниз по крутым ступеням. Оглядываюсь, ладонью коснувшись стены. Паша преследует меня с торчащей вилкой из шеи. Опять взвизгиваю.

— Поли!

Я попала в фильм ужасов, в котором добрый и ласковый муж обратился в маньяка. И ведь не из-за ревности хочет меня прибить, а из-за того, что я отказалась участвовать в его сексуальных фантазиях с изменами. Ну и вилка тоже была лишней.

Хватает меня за шиворот, впечатывает в стену, и с воплями выдергиваю вилку. И опять ее втыкаю под рев Паши, который отшатывается и заваливается на перила. Соседи не торопятся выглядывать из своих нор, и я опять бегу. Паша с клеткотом вытягивает вилку и с хриплым рыком отшвыривает ее.

— Поли... Поли... Поли...

От голоса Паши волосы на загривке поднимаются и шевелятся. Воздух густой, как холодный кисель, и я в нем захлебываюсь. Выскакиваю в промозглую тьму на крыльцо. У черного внедорожника курит Олег, а рядом с ним скучает Влад, который разглядывает перчатки, натянутые на ладони. Поднимает настороженные глаза и решительно шагает в мою сторону, а я в ужасе ныряю за его широкую спину, когда из подъезда выползает Паша с кривой улыбкой и окровавленным воротом.

Глава 17.

Импровизированный шантаж

— Я...ему... вилкой в шею, — отрывисто шепчу я, — прямо... в шею... два раза...

Олег, поперхнувшись дымом, кашляет.

— Поли, вернись домой, — шипит Паша гадюкой. — Поговорим о разводе и о супружеском долге. И о том, какая ты плохая девочка.

Олег опять кашляет, захлебываясь в дыме и слюнях. Отбрасывает окурок, сипит и кряхтит. Я тоже немного обескуражена, и слышу по голосу Паши, что его воспитание из меня покорной и хорошей девочки будет жестким. О пальцах, как в случае с его братом, можно не надеяться.

— Павлуша, обычно тебя учат быть хорошим мальчиком, — Влад делает несколько бесшумных шагов к Паше.

— Так, — Олег сплевывает и кривится, — он может быть свитчем.

Влад недоуменно оглядывается на него.

— Перевертыш, — поясняет он.

— Что? — вопросительно изгибает бровь.

— И вашим, и нашим, — Олег пожимает плечам.

Влад переглядывается со мной, а я тоже ничего не понимаю. Что за перевертыши?

— С превеликим удовольствием отстегаю жену ремнем до кровавых полос, — хрипит Паша в черном безумии и зыркает на меня, — домой, сука!

— Паша... — я отступаю к крякнувшему в удивлении Олегу, — что на тебя нашло?

— Ты же хотела быть идеальной женой... Я тебя научу этому тонкому искусству...

Влад преграждает Паше путь:

— Кажется, у Полины нет желания ремнем по попе получать. И как-то ты резко, братец, сменил свои пристрастия. Я не успеваю за тобой.

— О каких пристрастиях идет речь, кроме фантазий... — я жмусь к машине и тихо проговариваю, — о моей измене...

Олег очень странно смотрит на меня. С сочувствием, сожалением и отчаянием. Такой коктейль эмоций не предвещает ничего хорошего.

— Я не думаю, что Полине стоит смотреть на фотографии, — шмыгает Олег. — Влад, не надо. Я, — прикладывает ладонь к груди, — психологическую травму получил.

— Фотографии? — Паша меняется в лице.

— Да, Павлуша, — кивает Влад. — Фотографии. С хороших и подробных ракурсов.

— Владик, — криво улыбается с нервным смешком, — не надо. Влад... Ты лжешь... нет у тебя никаких фотографий.

— И я умею удивлять, да, Павлуша? — тихо и с угрозой смеется Влад. — А я ведь тебе поверил, что ты весь такой

уставший от жизни.

— Влад...

Паша в отчаянии смотрит на Олега, который передергивает плечами и гадливо кривится. Меня трясет, зуб на зуб не попадает. Влад оглядывается, стягивает пальто и подходит.

— Что за фотографии? — я поднимаю на него глаза.

— Жуткие и отвратительные, — сдавленно отзывается Олег.

Влад вздыхает и накидывает мне на плечи пальто. Меня коконом окутывает теплое облако пряного парфюма:

— Да, тебе не стоит на них смотреть.

— Что за фотографии? — тихо повторяю я.

— Полина... — Паша истерично хихикает и расстегивает ворот рубашки, — давай, мы с тобой дома обо всем поговорим. Вспылил я чуток. Прости. Неделя тяжелая выдалась.

— Что за фотографии?! — в ярости вскрикиваю я и сжимаю кулаки. Закрываю глаза и шепчу. — Я должна увидеть их.

— Влад... не надо... — сипит Паша. — Хочешь, я на тебя квартиру перепишу? Машину? Влад, мне очень жаль... Влад, мой психолог говорит, что всему виной соперничество и борьба за родительскую любовь, понимаешь?

— Фотографии, — хватаю Олега за борта его кожаной куртки и вглядываюсь в испуганные глаза, — показывай.

— Там ничего интересного...

— Показывай, — холодно отзывается Влад. — Он сама

этого пожелала.

Олег отстраняется от меня, аккуратно разжимая мои замерзшие пальцы, и открывает дверцу машины, с немым протестом глядя мне в глаза. Неуклюже ныряет в салон, и через несколько секунд его осуждающих вздохов я держу в руках пластиковую папку.

— Полина...

Влад приваливается к авто, медленно потирая ладони в перчатках. Смотрит на Пашу с нескрываемым презрением. Похоже, его месть претворяется в жизнь, потому что муж мой ненаглядный весь съеживается и кулак прижимает ко рту.

В гнетущем молчании вскрываю с щелчком папку на круглой кнопке. Достая глянцевые фотографии и шагаю под фонарь у клумбы с свежее-перекопанной землей. Про себя отмечаю, что управляющая компания отлично справляется со своими обязанностями: двор держит в порядке, к зиме готовится и растения вовремя пересаживает. Одним словом, молодцы.

На фотографиях вижу откровенный изврат. Грязный и гадкий, и он пробирает до самых потаенных глубин подсознания, которое покрывается плесенью отвращения. Когда я думала о любовнице, я боялась, например, о внебрачном ребенке, а не о том, что мой муж вечерами лижет ноги своей начальницы.

— Полина...

Больше ни одна живая душа не должна увидеть эти фотографии. Нельзя позволить, чтобы кто-то узнал, что я замужем за извращенцем. Маму точно хватит удар, а папа на рыбалке утонет. Да я сама хочу нырнуть в лужу лицом вниз и захлебнуться.

— Полина...

— Заткнись, — цежу сквозь зубы я, и Паша замолкает, с готовностью потупив глазки.

У меня и в мыслях не было, что мой муж настолько падший человек с изуродованной душой.

— Ты должен уничтожить эти фотографии, — прячу снимки в папку и подхожу к Владу. — Все копии и все носители.

— Встала на защиту мужа?

— Нет, — я поднимаю взгляд. — Дело не в этом. Я не хочу, чтобы был хоть мизерный шанс того, что эти снимки попадут в руки моих родителей. Они у меня хорошие, Влад, и они, возможно, даже слова мне не скажут о том, что мой муж — извращенец, смолчат, но ты же все понимаешь, да?

— Прекрасно понимаю.

— Я выходила замуж за приличного и ответственного мужчину. Мои друзья и родственники были за меня невероятно рады и хочу, чтобы и развод прошел без скандала, сплетен и тихо.

Касается щеки, вглядываясь в глаз, и я знаю, какую цену он запросит за услугу. Да, это не меня порят на фотографиях

и одаривают золотым дождем, но эта грязь касается и меня. Моей семьи, которой скоро не станет, но я не желаю быть целью пересудов, косых взглядов и того, чтобы меня, например, жалели. Мой муж не просто завел интрижку с другой женщиной, а стал ее рабом.

— Я избавлюсь от снимков, Поли, — наклоняется и едва слышно шепчет на ухо, — если ты сядешь в машину и поедешь со мной.

Глава 18. Сделка с дьяволом

Что мне делать? Домой к Паше-неадеквату возвращаться, рисковать своей репутацией и подвергать риску других людей “увидеть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.